

Джек Коггинс

**оружие
великих
держав**

Jack Coggins

**soldiers
and
warriors**

An illustrated history

Джек Коггинс

оружие великих держав

От копья до атомной бомбы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 355/359
ББК 68
К57

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Коггинс Дж.
К57 Оружие великих держав. От копья до атомной
бомбы / Пер. с англ. В.Д. Кайдалова. — М.: ЗАО
Центрполиграф, 2009. — 221 с.

ISBN 978-5-521-73318-7

Книга Джека Коггинса посвящена истории становления военного дела великих держав — США, Японии, Китая, — а также Монголии, Индии, африканских народов — эфиопов, зулусов — начиная с древних времен и завершая XX веком. Автор ставит акцент на исторической обусловленности появления оружия: от монгольского лука и самурайского меча до американского карабина Спенсера, гранатомета и межконтинентальной ракеты.

Коггинс определяет важнейшие этапы эволюции развития оружия каждой из стран, оказавшие значительное влияние на формирование тактических и стратегических принципов ведения боевых действий, рассказывает о разновидностях оружия и амуниции. Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей и впечатляет широтой обзора.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-521-73318-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2009

МОНГОЛЫ

С незапамятных времен один за другим воинственные кочевые народы селились на высоких нагорьях Центральной Азии, где они множились, обживали эти высоты и враждовали друг с другом, пока их орды вдруг не перелхестывали за высокогорья и не изливались несущим разрушение и смерть неудержимым потоком на более миролюбивые народы долин и более цивилизованные страны. Скифы, парфяне, гунны, сельджуки как смерч пронеслись над огромными территориями, но самой разрушительной из этих исполинских варварских волн была монгольская. Монголы соединили в себе обычные свойства кочевников — жестокость, способность выживать в самых примитивных условиях, высокую подвижность, великолепное владение конем — с жесткой дисциплиной и блестящей организацией.

Когда Чингисхан повел свои орды из родных им степей, силы, собранные, чтобы дать ему отпор, не блистали ни организованностью, ни дисциплиной, да и командование ими оставляло желать много лучшего, и катастрофа разразилась. Погибли бесчисленные миллионы воинов и мирных жителей (по оценкам, в одном только Китае около 18 000 000 человек), обширные плодородные земли были превращены в пустыни — некоторые так и остались пустынями и по сей день, — их древние оросительные системы были разрушены, а потомки выживших обитателей перебрались на более плодородные зеленые пастбища. Подобно всем кочевникам, монголы ненавидели города, селения и возделанные земельные угодья. Куда больше по душе им были холмистые степи, где ничто не могло

помешать свободному бегу неисчислимых табунов лошадей. И поэтому они разрушали все вокруг, превращая презираемую ими цивилизацию в некое рукотворное подобие их родных пустынь.

Обитатели степей и пустынь Северной Гоби подразделялись на множество племен — меркитов, кирaitов, татар, тайгутов и др. Самыми сильными из них, без всякого сомнения, были монголы, племенные пастбища которых располагались примерно в пятистах милях восточнее озера Байкал — в мрачном и негостеприимном мире, где они охотились, пасли свои стада, сражались между собой из-за скудных выпасов и водных источников. Домами им служили полусферические войлочные палатки, называемые юртами, которые, когда хозяевам надо было перебираться в другое место, разбирались и укладывались на большие телеги, запряженные дюжиной быков. Двадцать или тридцать таких телег соединялись вместе и медленно тащились по бескрайней степи, погоняемые девушкой, ведущей головную телегу. Рядом с этими движущимися селениями так же медленно брели по степи табуны коней, быков и громадные стада овец.

Скот был единственным средством существования этих кочевников. Он давал им пищу, питье и одежду, жилы для шитья, рога для усиления луков и кости для изготовления хозяйственных орудий.

Питались они только мясом, едва обжаренным на огне или совсем сырым. При случае им удавалось выменять — или украсть — немного пшеницы или риса у какого-нибудь каравана, идущего из Китая. Во время долгой охоты или набега на другое племя, когда случалось два-три дня провести в седле, останавливаясь только для того, чтобы напоить лошадей и сменить их на свежих, всадники питались сырым мясом, для размягчения или согревания которого его клали под седло на спину лошади. В самом крайнем случае пищей и питьем им служила конская кровь из вскрытой яремной вены.

Это примитивное существование, под постоянной угрозой смерти от оружия врага, внезапной бури или голода,

воспитало расу людей, способных сутками скакать в седле без отдыха, искусных в обращении с оружием, опытных в ночных набегах, в устройстве засад, не чуждающихся вероломства, знающих все уловки и хитрые военные приемы кочевников. Они ничего не знали о жизни вне их собственного сообщества. В их поступках почти не было садизма. Когда они убивали, то делали это из необходимости — спокойно, не испытывая никаких чувств, без жалости или угрызений совести.

Эти люди, способные переносить холод, голод, жажду и повергать в прах своих врагов, словно были созданы для величайших свершений одного человека. И как это часто случается в истории, природа создала такого человека, наделенного способностями, удачей, достоинством, чувством времени, личной притягательностью и всеми другими атрибутами, сделавшими его великим вождем, изменившим лицо мира. Таким человеком стал Темучин, сын предводителя племени монголов, которого миру предстояло узнать под именем Чингисхана.

ЧИНГИСХАН

К моменту смерти своего отца (возможно, ок. 1175 года) молодой Темучин уже утвердился как племенной вождь, но многие из его соплеменников перешли от него под руку более сильных вождей, которые могли защитить их от непрерывных набегов и нападений соседей. Перипетии межплеменных столкновений вскоре поставили юношу во главе группы беженцев, а в яростных сражениях он выступал уже как вождь немногочисленных преданных воинов, вынужденных скитаться из одной долины в другую. Именно в этих сражениях ковалось и закалялось оружие, которому будет суждено повергнуть половину мира к ногам кочевых скотоводов.

Ничто так не способствует успеху, как воинские удачи, и после нескольких с трудом одержанных побед все увеличивающееся число родов начало мало-помалу воз-

вращаться под знамена Темучина. Когда он чувствовал себя достаточно сильным, он нападал на соседние племена, преследовал их вождей, как когда-то был гоним он сам, а покоренные им кочевники вливались в его рать. Его ближайшие соратники, те, кто следовал за ним и сражался рядом с ним в самые горькие и трудные времена, стали теперь командовать теми или другими отрядами его постоянно растущего войска. По мере того как росла и ширилась его известность, многие из соседей добровольно шли под его руку. Тех, кто сам приходил к нему, он принимал с почетом, те же, кто сопротивлялся, могли потом сколько угодно роптать на свою судьбу. В конце концов на курултае, то есть на большом совете ханов, он получил титул Чингис Хакана¹ — великого правителя, властителя всех живущих.

В его характере были терпение и решительность охотника. К этим природным качествам кочевника добавились еще и непреклонность намерений и самодисциплина, свойственная вождям его уровня. Но прежде всего он был прирожденным организатором. Рыхлое сборище племен он превратил в армию, отборное сообщество всех мужчин, от юношей до стариков. Племенные банды налетчиков он превратил в полки — *стяги*, — состоящие из отдельных десятков и сотен воинов. Каждый стяг насчитывал тысячу человек, которые делились на десять эскадронов по сто человек. Каждая сотня состояла из десяти десятков воинов. Десять стягов образовывали дивизию, или *тумен*, а несколько туменов, обычно три, — армию. Отборные воины входили в отдельный тумен — гвардию хана.

Все воины были вооружены длинной, слегка искривленной саблей с острым концом — подобной оружию кавалерии более близких к нам времен, — которой можно было наносить как рубящие, так и колющие удары, и

¹ Х а к а н — царский титул, появившийся в Северо-Восточной Азии у народов тюркского племени. Этот титул усвоили и монгольские императоры. По-видимому, слово «хан» — сокращенное от «хакан».

мощным луком. Некоторые воины имели по два лука — один более короткий, охотничий, и боевой — более длинное и мощное оружие. Использовались различные виды стрел — более легкие для стрельбы на дальние дистанции, и стрелы с более толстым древком и более мощным железным наконечником, предназначенные для пробивания брони. Лук или луки носились в чехле — *саадаке* — на левом боку, большой колчан со стрелами — на правом. Сабля в кожаных ножнах подвешивалась на спине всадника так, что ее рукоять выступала над левым плечом.

Некоторые кочевники были вооружены также копьем, на котором ниже наконечника был прикреплен пучок конского волоса, или железными крюками для стаскивания противника из седла, но главным оружием оставался все-таки лук.

Для защиты от оружия противника монгольские воины надевали шлемы из железа или кожи, покрытой толстым слоем лака и усиленной нашитыми железными вставками. Кожаный нащечник, тоже усиленный железными полосами, спускался со шлема по спине до лопаток. Отдельные копьеносцы имели и небольшой круглый щит из кожи с железными бляшками. Для защиты тела из жесткой кожи делались нагрудники и нараменники, закрывавшие плечи. Иногда всадники надевали и нечто вроде кирас из кожи, на которую нашивались железные пластины.

Порой на лошадей тоже надевались доспехи, защищающие им грудь и бока; для этой цели тоже наверняка использовалась кожа. В степях это был наиболее доступный материал (чего нельзя сказать о железе) и легче всего обрабатываемый.

Кроме оружия и защитного снаряжения каждый воин имел также войлочную шапку и овчинную куртку — без сомнения, подобные тем, которые и ныне носят монгольские скотоводы, — а еще аркан и веревку, мешок с ячменем, котел, топор, соль, иглы и жилы для починки снаряжения и одежды.

У каждого всадника была по крайней мере одна верховая лошадь, а порой их число доходило до полудюжины.

Монгольские степные лошади не отличались особой красотой или статью, но были крепкими и выносливыми — могли добывать зимой еду из-под снега и существовать на самом минимуме съестного. Невозможно заподозрить монголов даже в каком-либо подобии сострадания ни к одному живому существу, но, как широко использовавший коней народ, они, без сомнения, тщательно ухаживали за своими лошадьми, насколько это позволяли обстоятельства. Без подобного ухода никакие переходы конницы на дальние дистанции с той скоростью, которую развивали орды Чингисхана, были бы невозможны.

Перед сражением войско выстраивалось в пять рядов на значительном расстоянии один от другого. Копьеносцы и лучники сочетались таким образом, чтобы достичь максимального эффекта от обстрела и удара конницы. Копьеносцы, занимавшие два первых ряда, были облачены в полный доспех, их кони также несли на себе кожаное защитное облачение. Три последних ряда занимали лучники. В начале боя они выдвигались вперед через промежутки в передовых рядах, чтобы осыпать врага стрелами и снова занять свои места позади копьеносцев до начала атаки.

В войске царя строжайшая дисциплина. Каждый воин должен был помогать своим товарищам, отбивать их, если тех пытались взять в плен, помогать им в случае ранения и никогда не поворачиваться спиной к врагу, если только не давался сигнал к отходу. Каждое самое малое подразделение из десяти человек, таким образом, было тесно сплоченной группой, образованной из людей, годами живших вместе и вместе сражавшихся, могущих всегда надеяться на товарищей. Современники отмечали, что «если один, или два, или три воина из десятка пустятся в бегство в день битвы, все остальные будут казнены... и если двое или трое из группы в десять человек пустятся в притворное бегство, а остальные не последуют за ними, то оставшие также будут казнены».

Мусульманский летописец писал: «Столь велик был страх, который Аллах вселил во все сердца, что случилось так — один-единственный татарин въезжал в селение, в